

Новая система комплектования легионов

После окончания Второй Пунической войны (201 г. до н. э.) и вплоть до столкновения с кимврами и тевтонами, произошедшего в самом конце II в. до н. э., римская армия не испытала таких травм, которые потребовали бы решительной модификации ее организации, структуры или вооружения.

Однако неудачи в войне с Югуртой и тяжелые поражения, понесенные римлянами от германцев¹, показали, что военная система Республики нуждается в серьезных преобразованиях. Ответом на внешнеполитические вызовы стали реформы, которые связывают с именем Гая Мария; важнейшей из них был новый способ комплектования армии, приведший к изменению ее состава и, следовательно, самой ее природы.

Со времен реформы Сервия Туллия ядро римского войска состояло из граждан, доход

¹ Имеется в виду Кимбрская война (113–101 гг. до н. э.), в течение которой кимвры сначала разбили римлян в северо-восточных Альпах (113 г. до н. э.), затем в Галлии (109 г. до н. э.) и, наконец, нанесли им сокрушительное поражение при Араузоне (105 г. до н. э.).

которых отвечал определенным условиям. Этот порядок отражал социальную реальность, в основе которой лежало требование, чтобы солдаты сами обеспечивали себя оружием и снаряжением; однако в нем воплощалась также древняя римская концепция, согласно которой воинская служба, предоставлявшая возможность продемонстрировать личную отвагу (*virtus*) и получить добычу, была привилегией, доступной только наиболее достойным гражданам.

В теории армия должна была собираться только в случае войны и легионы надлежало распускать после ее окончания, но стратегическая необходимость содержать гарнизоны на завоеванных территориях и продолжительные военные конфликты, в которых Республика принимала участие на разных фронтах, делали эту практику все более редкой. К концу II в. до н. э. власть Рима распространилась уже на весь бассейн Средиземного моря. Расширение оперативных сценариев и необходимость располагать значительными и рассеянными по обширным территориям военными силами вызвали кризис традиционной системы рекрутования.

Период службы, который требовался от гражданина, был фактически неопределен; это условие могло быть приемлемым только для того, кто, не имея собственности или экономических интересов, намеревался сделать военную деятельность своей профессией. Жалование, выплачиваемое государством, определенно было не такого размера, чтобы жизнь легионера была привлекательной в глазах состоятельных граждан. Случай уклонения от призыва и подкупа, чтобы получить освобождение от службы,

быстро достигли широкого распространения. Это делало все более трудным набор новобранцев, пригодных для того, чтобы участвовать в продолжительных войнах, которые приходилось вести в местах все более и более удаленных, где возможность поживиться за счет добычи или получить щедрые награды, становилась все более сомнительной. В 107 г. до н. э. консул Гай Марий, блестательный и амбициозный полководец, готовясь к отправке в Нумидию, где шла изнурительная война с царем Югуртой, приступил к набору легионов. Из-за благосклонности к низшим сословиям он оставил всякое предварительное расследование, касавшееся ценза новобранцев (то есть пренебрег требованием минимального дохода, позволявшего поступить на военную службу) и, таким образом, фактически открыл дорогу в армию массе сельских пролетариев², которые в то время из-за тяжелых и продолжительных экономических кризисов и концентрации земельной собственности в руках крупных землевладельцев образовывали значительную часть граждан и, естественно, существенную электоральную базу.

Реформа Мария лишь узаконила процесс, который подспудно шел уже многие годы: минимальный доход для того, чтобы принадлежать к пятому (последнему) классу ценза, зафиксированный в начале Сервиеевой реформы

² Пролетарий (*proletarius*) – юридически свободный гражданин, принадлежавший к неимущему и неподатному сословию. Слово образовано от *proles* – потомство, то есть пролетарий – это тот, у кого, кроме детей, ничего не было.

в 11 000 ассов, был снижен до 4000 уже в период Пунических войн³ и, наконец, до 1500 ассов около 150 г. до н. э.⁴ С прогрессивным снижением минимальных требований для зачисления в войско менее состоятельные классы давно уже в массовом порядке пополняли легионы. В действительности Марий сделал официальным то, к чему другие до него длительное время прибегали скрытно.

Шаг, предпринятый Марием, был неоднозначно воспринят в римском обществе. Согласно Саллюстию, «одни объясняли это недостатком порядочных граждан, другие – честолюбием консула, ибо именно эти люди его прославили и возвысили, а для человека, стремящегося к господству, наиболее подходящие люди – самые нуждающиеся, которые не дорожат имуществом, поскольку у них ничего нет, и все, что им приносит доход, кажется им честным»⁵.

На практике Марий ввел добровольное рекрутование и число неимущих, готовых поступить на военную службу, было теперь всегда столь большим, что без проблем удовлетворяло всякую государственную необходимость.

Эта мера привела к тому, что армия перестала быть структурой, которая объединяла

³ Polyb., Hist., VI, 19, 2. Согласно Полибию, граждане, имущественный ценз которых был ниже 400 драхм (4000 ассов), должны были служить во флоте.

⁴ Cic., De Re publica, II, 40. Цицерон утверждает, что этот минимальный ценз был установлен уже Сервием Туллием.

⁵ Sall., BI, 86, 3; здесь и далее пер. В. О. Горенштейна.

средний и высший классы римского общества, как это было в ту эпоху, когда неимущие не допускались на военную службу. Средний класс в значительной части обратился к гражданским занятиям; теперь армия людей низшей социальной категории с центурионами низкого происхождения находилась под командованием офицеров, набранных как минимум из мелкой знати. «Пролетаризация» коренным образом изменила формат отношений, которые отныне и в дальнейшем будут существовать между армией и государством. Солдат, который не имел земельной собственности или иного имущества, стал рассматривать военную карьеру как способ получения премий, военной добычи и в конечном счете как возможность персонального обогащения. Его удача оказывалась, таким образом, тесно связанной с удачей его командиров, которые в свою очередь нуждались в таких людях как в инструменте давления на правительство для реализации собственных политических амбиций. Это было начало эпохи великих полководцев, эпохи, которая на фоне политической и социальной борьбы тех лет приведет в коротком времени к концу Республики и рождению новой политической системы.

Когорты вместо манипулов. Бой под Илердой

С деятельностью Мария связывают также завершение процесса перехода от манипулярной организации легиона к когортной. Вопрос о том, под влиянием каких причин начался этот переход и каковы были его этапы, остается дискуссионным.

Термином «когорта» римляне обычно называли отряды пехоты союзников. Вместе с тем он использовался также и для обозначения совокупности трех легионных манипулов. При этом есть примеры, относящиеся уже ко времени Второй Пунической войны, когда такое объединение выступает на поле боя как самостоятельная тактическая единица. Так в сражении под Илипой (206 г. до н. э.) Сципион выставил по одной когорте перед каждым флангом своей армии¹. В столкновении с иберами Сципион опять использовал когорты в качестве тактических единиц: «Он разом повел из лагеря все прочие силы по четыре когорты в линию и ударил на неприятельскую пехоту»².

¹ Polyb., Hist., XI, 23, 1.

² Ibid., XI, 33, 1–2; здесь и далее пер. Ф. Г. Мищенко.

Несмотря на эти, казалось бы, убедительные аргументы, мы не можем утверждать, что реформа легионной организации была проведена уже в конце III в. до н. э. Напротив, существуют вполне очевидные указания на то, что на протяжении всего следующего столетия манипулы оставались базовым подотрядом легиона. Еще в 108 г. до н. э. в сражении на реке Мутуле Метелл выстроил армию в соответствии со старой манипулярной диспозицией. «Он, — пишет Саллюстий, — на правом фланге, ближайшем к врагу, установил в три линии воинов, включая резерв, между манипулами расставил пращников и лучников, всю конницу разместил на флангах»³. После того как большая часть дня уже прошла, а исход боя оставался неясным, Метелл перестроил войска, чтобы атаковать возвышенность, которую занимал противник: он «собрал солдат воедино, восстановил боевой строй и поставил четыре когорты легионеров против вражеской пехоты»⁴.

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод, что вплоть до конца II в. до н. э. когорты были временными объединениями манипулов. При этом неизвестно, были ли легионеры надлежащим образом обучены для совершения всех необходимых перестроений, или же такие формирования создавались по случаю, в зависимости от складывавшихся обстоятельств.

Не вызывает сомнений, что когортный легион I в. до н. э. — прямой наследник первых маневренных когорт, которые появились во время Второй Пунической войны. Но переход от

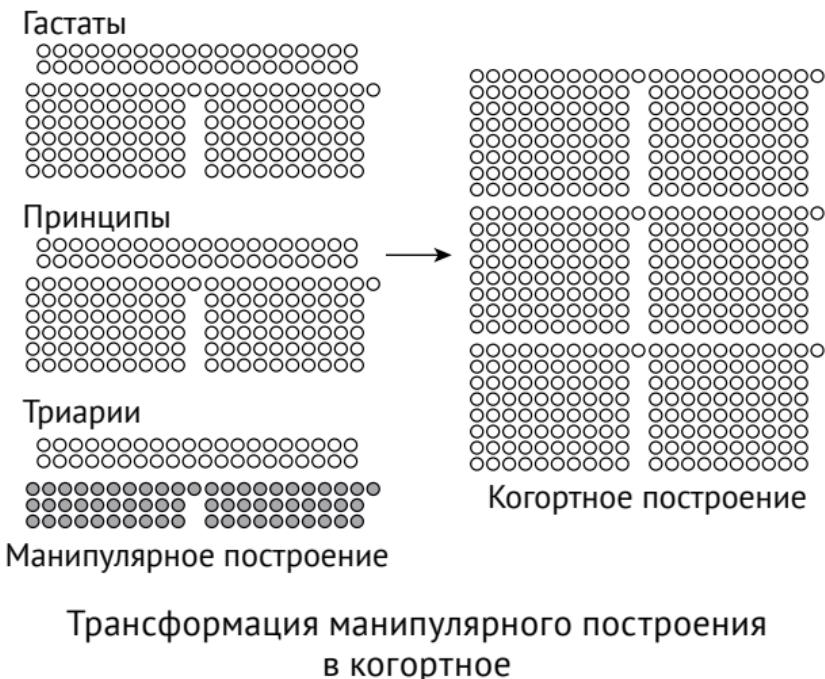
³ Sall., BI, 49, 6; 51, 3.

⁴ Ibid., 51, 3.

манипулярного построения к когортному представлял собой достаточно медленный процесс: он продолжался на протяжении всего II в. до н. э., а возможно, и много дольше. Определенно можно утверждать лишь то, что в галльской кампании Цезаря, начатой в 58 г. до н. э., когорты совершенно заместили манипулы в качестве основополагающего тактического и оперативного подразделения легиона.

Второй аспект проблемы связан с побудительными мотивами трансформации легионной организации. В действительности замена манипулов когортами выглядит на первый взгляд совершенно неожиданной. Несмотря на некоторые крупные поражения в прошлом, понесенные в борьбе с фалангой, манипулярный легион доказал свое превосходство над последней четрдой блестательных побед. Их итогом стали завоевание Карфагена, Македонии и Греции, а также разгром армий Антиоха III Великого (223–187 гг. до н. э.) – сильнейшего в военном отношении из эллинистических монархов своего времени. Получается, что манипул был поглощен когортой лишь после того, как одержал победу над всеми своими противниками, по крайней мере теми, которых мог противопоставить ему цивилизованный мир.

Если допустить, что римская военная наука развивалась аналогично современным концепциям, то римляне должны были бы и при поздней Республике сохранять неизменным свой победоносный манипулярный легион. Задуматься о необходимости его реформирования они могли бы только после крупных военных неудач, постигших их в войнах с Пирром или Ганнибалом.

Трансформация манипулярного построения в когортное

Но римляне были народом весьма консервативным и не легко принимали перемены. Они не стали спешить с внесением каких-то существенных корректировок в легионную организацию и оказались исторически правы. И тем не менее манипул как тактическая единица не умер естественной смертью: кто-то должен был его убить.

Очевидно, неслучайно первые упоминания о когортах встречаются в источниках при описании тех сражений, где римлянам приходится бороться с испанскими племенами. На поле боя испанцы были особенно опасны в индивидуальных столкновениях и в этом отношении не уступали лучшим бойцам античного мира⁵. Всякий

⁵ На иберийском фронте ситуация оставалась труднейшей почти на протяжении всего II в. до н. э. Неслучайно Полибий называет войну с кельтибераами «огненной»: «[...] в Элладе или в Азии ведомые войны кончаются, можно сказать, одной, редко двумя

раз, когда недостаточно обученные или находившиеся под посредственным руководством легионы вступали в бой с подобным противником, они несли потери намного более тяжелые, чем в любой из заморских войн, которые вела Республика. Поэтому римским военачальникам принципиально важно было сделать так, чтобы их солдаты получили возможность во время тяжелейшего рукопашного противостояния действовать в наилучших условиях. Достичь этого можно было благодаря чрезвычайной гибкости и адаптивности организации легиона.

Представляется вполне правдоподобным, что именно Сципион Африканский первый пришел к идее создания компактного подразделения, воплощавшего собой промежуточный вариант между легионом и манипулом. Когорта была образована из трех манипулов, которые в эшелонах гастатов, принципов и триариев носили один и тот же порядковый номер. Такой блок, с одной стороны, обеспечивал требовавшуюся сплоченность и силу удара, а с другой – значительную мобильность и автономию использования.

битвами, и самые битвы решаются одним моментом первого набега или схваткой воюющих. В войне с кельтиберами все было наоборот. Обыкновенно только ночь полагала конец битве, ибо люди старались не поддаваться усталости, не падали духом, не слабели телом, но всегда с новой отвагой шли на врага и опять начинали битву. Зима не только не прерывала войны в ее целом, она едва ли даже нарушала последовательность открытых сражений. Вообще, если кто хочет представить себе огненную войну, пускай вспомнит только войну с кельтибарами» (Polyb., Hist., XXXV, 1).

Необходимость противостоять особым формациям или лучшему индивидуальному оружию врага, требование развертывать подразделение наполовину автономное – менее уязвимое, чем манипулы для действий герильи, и одновременно не столь медлительное и громоздкое, как легионы – определенно представляются весомыми аргументами, оправдывающими появление когорт на особом испанском театре военных действий – горном и труднопроходимом.

Впрочем, эта фундаментальная инновация, как кажется, довольно долго использовалась только для достижения специфических целей и вплоть до конца II в. до н. э., не получив повсеместного использования, применялась исключительно против иберов⁶.

Страшные поражения, понесенные римлянами от кимбров и тевтонов, потребовали мобилизации всех сил государства и поспешного проведения в армии преобразований, которые считались уместными в сложившейся трудной ситуации: литературная традиция сообщает о новшествах в обучении легионеров и попытках улучшить их вооружение. Что касается когорт, то Марию и его военачальникам ничего не приходилось изобретать, поскольку с тактической точки зрения когорты показали свою устойчивость в борьбе с противником не менее опасным, чем германцы. Возможно, что после победы над кимбррами и тевтонами когорты продолжали считаться образованиями временными,

⁶ Указания, содержащиеся у Ливия, Аппиана и Фронтина, действительно связывают использование когорт с войнами в Испании.

ситуативными, не вносявшими радикальных перемен в легионную организацию. Такой взгляд, очевидно, сохранялся и после того, как манипулы повсеместно перестали играть роль самостоятельных тактических единиц. Поэтому неслучайно мы не можем сказать ничего определенного относительно командира когорты⁷. Вероятно, эти функции были возложены на старшего центуриона подразделения⁸. Следует также отметить тот факт, что даже в период принципата центурии и центурионы продолжали называться на основе той позиции, которую они занимали в старом манипулярном построении; нам неизвестно, чтобы в эпоху Империи солдаты почитали гения (*genius*)⁹ легионной когорты, в то время как ими почитались гении центурии, легиона или профессиональной группы (центурионов, знаменосцев).

Логично будет предположить, что такой опытный и не боящийся новшеств полководец, как Марий, увидел в когорте прекрасное средство для того, чтобы помериться силами с германским клином. Последний представлял собой построение очень плотное и глубокое, нацеленное на то, чтобы решить исход столкновения одним решительным ударом. Сражение при Араузионе – крупнейшее в истории римской армии поражение, понесенное ею от

⁷ По Вегецию (Veg., Epit., II, 12), когортами командовали трибуны или препозиты.

⁸ См.: Goldsworthy A. Roman Warfare. London: Cassell, 2000. P. 126.

⁹ То есть божественный дух, который, согласно представлениям римлян, был присущ месту, семье, отдельному человеку или коллективу.

германцев, — наглядно показало уязвимость привычной римской тактики в сложившихся условиях. Марий, очевидно, понял, что традиционное расположение манипулов с широкими интервалами между ними не обеспечивало легионному построению такую прочность, чтобы оно могло оказаться адекватное сопротивление новой угрозе. Поэтому он, как в свое время Сципион, решил перейти к боевому порядку более компактному и в то же время более гибкому, образованному подразделениями, способными автономно принимать инициативу, атакуя единственное слабое место вражеского клина — его фланги.

В результате успешного использования в борьбе с германцами когорта была навсегда адаптирована в структуру легиона. Этот факт подвел финальную черту под целой эпохой в военном деле, эпохой, когда в противостоянии с эллинистическими армиями успех на поле достигался небольшими и подвижными манипулами и более высокой боевой способностью отдельного легионера. Войны, которые ожидали римлян в будущем, будут более походить на их войны с иберами, чем на те, которые они вели против Карфагена и Македонии.

Переход к когортной организации оказал заметное влияние на вооружение легионеров. Существовавшая прежде специализация трех различных частей тяжелой пехоты исчезла; новое подразделение было составлено из солдат, подчиненных одной и той же тактической задаче, поэтому вооруженных одинаковым образом: тяжелым метательным копьем — пилумом (*pilum*), мечом (*gladius*) и овальным щитом

(*scutum*). Было упразднено также деление по возрастным категориям, за исключением *антесигнанов*, которые состояли из более молодых солдат¹⁰.

Отказ от старой системы ведения боя имел еще одно важное следствие: с утверждением когортной организации римскому военачальнику стало проще образовывать боевой порядок и маневрировать во время непосредственного контакта с неприятелем. Классическим примером того, как произошедшая трансформация влияла на тактический сценарий сражения, можно считать столкновение под Илердой (49 г. до н. э.), произошедшее между Цезарем и Афранием и Петреем — полководцами Помпея. Помпейянское войско стояло лагерем на ближайшем к Илерде холме; между ним и городом раскинулась равнина (приблизительно в 300 шагов шириной), посередине которой находился еще один, более высокий холм. Цезарь понял, что если бы ему удалось занять и укрепить этот последний, то у него появилась бы реальная

¹⁰ Указание Цезаря (Caes., BC, III, 84), что он использовал для поддержки конницы молодых антесигнанов (*adulescentes atque expeditos ex antesignanis electis*), позволяет допустить, что последние были моложе остальных легионеров. В манипулярном легионе антесигнаны были гастатами; что означал термин *antesignani* в позднереспубликанскую эпоху, не совсем ясно, но определенно известно, что антесигнанов использовали для выполнения специальных миссий. В этом отношении они были весьма похожи на прежних велитов; возможно, этим объясняется и сохранение возрастного деления. См.: Secunda N. Republican Roman Army 200–104 BC. Oxford: Osprey, 1996. P. 32–34.

возможность отрезать помпеянцев от Илерды, в которой находились все их запасы провианта.

Тогда Цезарь вывел из лагеря легионы и приказал антесигнанам одного из них занять холм. Однако Афраний разгадал замысел своего противника и для захвата того же пункта коротким путем отправил когорты, стоявшие на карауле перед его лагерем. Помпеянцы достигли холма раньше и отбросили солдат Цезаря.

Отступление антесигнанов привело врасстройство весь фронт войска. Поэтому Цезарь должен был послать на помощь находившийся в резерве Девятый легион. В результате наступление неприятеля было остановлено, помпеянцы отошли к Илерде и расположились под ее стенами.

Но, преследуя бегущих врагов, солдаты Девятого легиона слишком увлеклись и подошли к самой горе, на которой лежал город. Когда они заметили это и хотели отступить, то неприятель, находясь на более высокой позиции, начал их теснить. Положение легионеров Цезаря осложнялось тем, что подъем к городу был узким и обрывистым по краям: «...на нем могли помещаться лишь три выстроившихся когорты, — поясняет Цезарь, — таким образом, ни с боков не могли подойти к ним подкрепления, ни конница не в состоянии была помочь им, когда им становилось трудно. А со стороны города шла покатость с легким уклоном, длиной около четырехсот шагов. Здесь и приходилось отступать нашим, неосторожно попадавшим сюда в пылу увлечения; сражение шло на месте, которое было неудобно и своей узостью, и тем, что наши стояли у самой подошвы горы, так что все метательные снаряды

попадали в них без промаху»¹¹. Было совершенно неясно, как в такой ситуации можно было отвести солдат: ведь как только они пытались отступать, враг жестоко поражал их с высоты.

Осознав это, Цезарь, несмотря на крайне невыгодную позицию, решил вступить в сражение. Завязался упорный бой, во время которого Афранний заменял уставшие когорты свежими. Но и Цезарь на помощь своим посыпал свежие когорты, а уставшие выводил из боя и отправлял в лагерь.

Столкновение продолжалось пять часов кряду. В конце концов, когда были израсходованы пилумы, легионеры взялись за мечи и атаковали помпеянцев. Им удалось оттеснить врага и частично загнать внутрь города. Только теперь цезарианцы наконец смогли уйти вниз со склона, а конница, которая все это время стояла внизу в долине, получила возможность подняться на гору и прикрыть их отступление¹².

Характерной особенностью дела под Илердой стало решение Цезаря дать бой на склоне холма, что позволило его войскам (благодаря замене уставших когорт свежими) продержаться до вечера и отойти, избежав поражения. Сци-

¹¹ Caes., BC, I, 45; здесь и далее пер. М. М. Покровского.

¹² Цезарь предусмотрительно не дает точных данных о потерях, понесенных сторонами в этом сражении. Он лишь сообщает, что на начальном этапе столкновения у него было 70 погибших (в том числе один центурион высокого ранга) и более 400 раненых; а у помпеянцев было убито пять центурионов (один из которых был центурионом первого ранга) и более 200 рядовых (Ibid., I, 46).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru